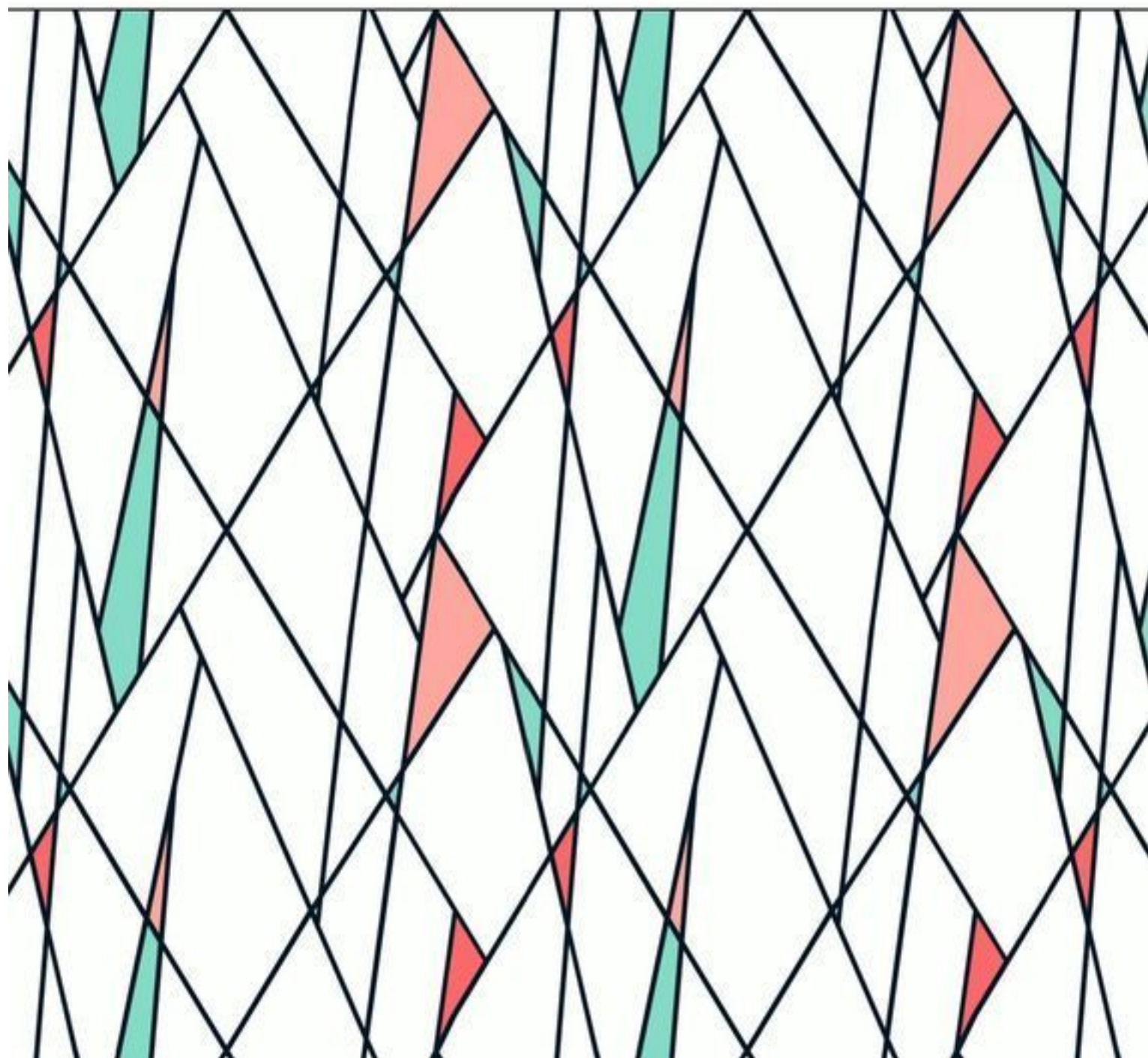

Анатолий Арамисов

Гроссмейстер

Анатолий Арамисов

Гроссмейстер

«Издательские решения»

Арамисов А.

Гроссмейстер / А. Арамисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853435-5

Он пережил страшную трагедию и перестал разговаривать. Но беда не приходит одна — мальчик попадает в детский дом, где царят суровые нравы. Однако невзгоды судьбы не сломили Сашу. Он обнаруживает в себе огромный талант шахматного игрока. Но его первая любовь играет с ним злую шутку...

ISBN 978-5-44-853435-5

© Арамисов А.
© Издательские решения

Содержание

Гроссмейстер	6
Глава 1. Подкидыш	6
Глава 2-я. Лена	16
Глава 3. Хожение по мукам	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гроссмейстер

Анатолий Арамисов

© Анатолий Арамисов, 2017

ISBN 978-5-4485-3435-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гроссмейстер

Повесть

Глава 1. Подкидыш

Зрительный зал ахнул, а затем шумно выдохнул, когда тринадцатилетний юноша поставил под бой свою самую главную и сильную фигуру. Этот ход, отразившись на электронной демонстрационной доске, заставил отвлечься от своих партий всех участников международного шахматного турнира. Умудренные опытом турнирные волки с удивлением смотрели на новоявленного вундеркинда, чей стремительный взлет стал главной темой для спортивной прессы последнего времени. Саша Савельев, так звали самого юного мастера страны, не спеша поднялся из—за столика, бросил взгляд на демонстрационную доску, потом в зрительный зал, кому—то улыбнулся и стал медленно расхаживать по сцене. Его соперник, маститый гроссмейстер с мировым именем, обхватил голову руками и надолго задумался. Главный судья турнира вышел на край сцены и поднял руки, чтобы зрители успокоились, прекратили шум. Но люди, на глазах которых происходило шахматное чудо, не внемли укоризненному взгляду арбитра. Ведь все знали, что выиграв Саша сегодняшнюю партию, он становился самым молодым гроссмейстером в истории шахмат. До конца соревнования оставалось два тура, юноше для достижения заветной цели надо было набрать хотя бы очко. Многие на его месте не стали бы рисковать, сделали пару ничьих без особой нервотрепки. Но все знали – Савельев всегда играет только на победу. В любой ситуации, в любом положении.

Журналисты, перехватив улыбку вундеркинда, пытались определиться, кому она была адресована. Их внимание привлекла скромно одетая девушка в больших очках, сидящая с краю на десятом ряду. Светловолосая, с большими зелеными глазами, ей можно было дать лет шестнадцать. Одетая в черное платье чуть ниже колен, в руках она держала большую книгу. Время от времени девушка листала ее, ненадолго задерживалась взглядом на странице; было видно, что содержание книги ее мало интересует, она поднимала голову и застывала взглядом, изучая положение на демонстрационных досках. Один из репортеров подошел к ней, наклонился и задал какой—то вопрос. Девушка улыбнулась, ответила. На второй вопрос журналиста отрицательно покачала головой, и тот сразу отстал.

– Кто это? Кто? – зашептали зрители, обратив внимание на девушку.

– Наверное, подруга жизни будущего гроссмейстера... Гёрлфренд, по—современному, – насмешливо бросил молодой высокий парень, жующий жвачку. Он давно заметил эту симпатичную блондинку, с самого первого тура и даже подходил к ней, пытаясь познакомиться. Но девушка вежливо отшила ухажера.

– Да что—то рановато ему иметь подругу-то... – озадаченно прошептал его сосед, седовласый гражданин с орденскими планками на груди. – Тринадцать лет всего парню.

– Сейчас новая акселерация, дедуль! – воскликнул парень. – Видел вчера передачу по телику. О том, как в одиннадцать лет уже рожают у нас. Так то!

– Что творится... Мать честная! Неужели? – громким шепотом воскликнул старик. – Нет. Вряд ли. Этот парень серьезный, видишь, как здорово в шахматы играет. Новым Фишером журналисты зовут.

Табло перед сценой вновь вспыхнуло словами: «Просим соблюдать тишину!» Дедуля крикнул, приложил руку к губам. Молодой человек скривился и произнес:

– Да этого нового Фишера сегодня разделают под орех! Сейчас гросс возьмет ферзя, у Савельева есть какие—то шансы на атаку, но вряд ли их хватит, чтобы заматовать короля черных. Проиграет сейчас он, как пить дать!

– Посмотрим, цыплят по осени считают... – ответил седовласый любитель. Достал карманные шахматы и стал передвигать на них маленькие фигурки. Он явно болел за Савельева. Молодой человек искоса наблюдал за ним, хмыкал, всем видом давая понять, что уж он то разбирается в древней игре куда лучше простых любителей. Ему было нелегко признаться в том, что пару лет назад этот пацан разгромил его позицию в пух и прах, поставил мат и лишил возможности получить звание мастера. Поэтому молодой человек наоборот, симпатизировал опытному гроссмейстеру, противнику Савельева, желая, чтобы тот обязательно наказал «выскачку», не дал ему шанса вырвать заветное очко. Он снова покосился на карманные шахматы соседа и, не выдержав, ткнул в них пальцем.

– Ну что вы, право, так слабо защищаетесь! Черные могут перебросить своего короля на другой фланг, а не стоять на месте, ожидая гибели! Великий немой, скорее всего, не учел эту возможность!

– Великий немой? Савельев? Почему немой? – удивленно повернулся к нему старик.

– А вы разве не знаете? – насмешливо спросил юноша.

– Нет... – озадаченно протянул ветеран.

– У него кличка такая. Дело в том, это этот Савельев не разговаривал до девяти лет.

Вообще.

– Как это? Почему?

– Точно не знаю. Что-то у него в детстве произошло. То ли уронили на пол, то ли сам упал... – небрежным тоном произнес несостоявшийся мастер.

– Первый раз слышу о таком случае... – произнес пожилой любитель шахмат. – И как он заговорил после стольких лет молчания?

– Тоже неизвестно. Темная история. Связано с каким-то потрясением. Этот Савельев загадочная личность. Из него журналистам ничего так и не удастся вытянуть. Интервью не дает. Куда деваает приличные гонорары, выигранные в турнирах – тоже неизвестно. Ни квартиры своей, ни машины, ни одежды хорошей, модной.

– Да рано ему иметь свою квартиру, машину! – прошептал старик. – Родители то на что? Им все деньги и отдает.

Молодой человек взглянул на ветерана с чувством превосходства, улыбнулся, сделал театральную паузу.

– Дело в том, что нет у него родителей. Он детдомовский. У него в детдоме была еще одна кличка: «Герасим».

– Да вы что? – старик был явно потрясен. – И он там живет все тринадцать своих лет?

– Непонятно. В последнее время по слухам он обитает явно не в детдоме. Вроде как у приемных родителей. Но я точно не знаю.

Старик хотел что-то ответить, но рядом зашикали соседи по залу, а главный судья в упор смотрел на них и укоризненно качал головой. Седовласый любитель покраснел от смущения и снова уткнулся взглядом в свои маленькие фигурки.

А на сцене соперник Савельева по-прежнему не решался сделать ход. Заманчиво было взять целого ферзя, а потом отбить атаку мальчишки и вписать в свою строчку турнирной таблицы весомое очко. Это было не просто очко, не просто красная единичка, а с пару десятков тысяч долларов дополнительных призовых. Которые были сейчас позарез нужны. Чтобы расплатиться с карточными долгами, принести в семью, к жене и двум дочерям приличные деньги, которых хватило бы на несколько месяцев. Он раз в минуту поднимал голову, смотрел на своего соперника; тот то расхаживал с уверенным видом по сцене, то садился вновь на свое место и внимательно изучал положение на доске. Иногда соперники встречались взглядами, и тогда

гроссмейстер непроизвольно вздрагивал. Он никогда в жизни не видел таких серьезных, взрослых глаз у тринадцатилетнего пацана. Как будто тело парня и глаза прожили отдельную друг от друга жизнь. Телу было тринадцать лет, а глазам минимум семьдесят. Холодок недоброго предчувствия пробежал по спине маститого шахматиста. Он тотчас отводил взгляд и минуты три приходил в себя, стараясь сосредоточиться на позиции. Это ему удавалось с трудом.

«Чертовщина какая-то. Такое впечатление, как будто парень ненормальный. А он и в самом деле такой. В его возрасте никто так сильно не играл. Не удивлюсь, если он через пару лет станет чемпионом мира. Хотел же сегодня попоцпе с ним, а вот какую карусель закрутил. Братъ ферзя? Нет? Если не братъ, смеяться все будут после игры. Мол, струсил. А взять – есть шанс продуть в невероятно красивой борьбе. Наверное, лучшие братъ. Тогда уж точно эта партия войдет в историю. И я в нее вляпаюсь. Если не выиграю. Неужели он все рассчитал? Не верю. Надо еще поразмышлять. Или проверить его, заставить задуматься, потратить время?»

На сцене заканчивались одна партия за другой. Пару встреч были результативными, остальные безликие ничьи. Предпоследний тур, многие, потеряв шансы на высокие призовые, решали не тратить силы и нервы. Но никто из участников не уходил со сцены. Они сгрудились в пяти метрах от столика Савельева и с интересом наблюдали за его игрой. Мало кто в зале обращал внимание на девушку, сидящую с краю на десятом ряду. Лишь сосед старика, молодой повеса, по-прежнему жующий жвачку, кидал на нее многозначительные взгляды. Она ему явно нравилась. Внезапно молодой человек увидел, что место рядом с девушкой освободилось. Очередной «старпер» – любитель, встал, и кряхтя потопал к выходу. Наверное, в туалет.

Это шанс, решил повеса, поднялся и пошел к предмету вожеления. Девушка метнула на него быстрый неприязненный взгляд, но ничего не сказала. Молодой человек уселся рядом с ней, ухмыльнулся и, поерзав на стуле, начал разговор.

– За кого болеете, мадмуазель? – с французским прононсом произнес последнее слово повеса.

Девушка молчала.

– Ну ну. Не хотим общаться, я так понимаю? – развязно продолжал молодчик. – Жаль. Я, как шахматный мастер, мог бы вас посвятить в тайны любой позиции на сцене.

– Вы не шахматный мастер. Вы лжец! – не глядя на повесу, тихо произнесла девушка.

Молодой человек хотел что-то ответить, но сильный шум в зале заставил его растерянно посмотреть на сцену. Любители шахмат зашипели со всех сторон.

– Гроссмейстер предложил Савельеву ничью! Не хочет брать ферзя! Проверяет его! Вот это да!

Саша Савельев, услышав неожиданное предложение соперника, внимательно посмотрел в зал. На край десятого ряда. Девушка сделала умоляющее выражение лица и даже сложила ладошки перед грудью. Повеса захихикал.

– Правильно! Пускай соглашается! Лучше синица в руках, чем журавль в небе! Сегодня пол очка, а завтра игра с самым слабым участником турнира. Уж наверняка минимум ничью сделает.

Саша смотрел на девушку, на повесу, как будто происходящее на доске не волновало его. Потом повернул голову, встретился взглядом с противником и громко произнес:

– Нет! Я играю на победу. Продолжим!

Зал снова ахнул. Маститый гроссмейстер вздрогнул, выпрямился на стуле и решительно взял ферзя Савельева.

– Ну, дурак! Идиот! – воскликнул любитель жвачки. – Куда ты прешь на победу? Великий немой, ты сильно прогадал! Теперь тебе, Герасим, хана!

В этот момент лицо девушки вспыхнуло краской, она резко поднялась и со звоном ударила молодчика ладонью по щеке. Удар был силен, слюни брызнули из влажного рта ловеласа во все стороны. Зрители громко вскрикнули. Девушка стремительно пошла на выход, у дверей ее пытался задержать охранник, но она оттолкнула его, обернулась и укоризненно посмотрела на Савельева. Охранник снова протянул к ней свои лапы, но девушка увернулась и выпорхнула прочь из зала.

Саша Савельев проводил ее взглядом, быстро сделал свой ход, поднялся и ушел за кулисы. В фойе театра, где проходил турнир, было пустынно. Поэтому практически никто не видел, как он догнал девушку у выхода на улицу, задержал ее, схватив за локоть.

– Почему ты ушла, Лена?

– Как будто ты не знаешь? – гневно выкрикнула девушка. – Мы же с тобой договаривались!

– Ну и что? Я изменил свое решение! Могу я передумать или нет?

– Нет, не можешь! Ты и так уже зашел слишком далеко! Это становится очень рискованным, как ты не понимаешь? Пусти меня!

Лена с силой рванула свою руку, Савельев по инерции качнулся вперед и едва не упал. Из рук девушки выпала книга. Блондинка повернулась и быстро пошла прочь.

– Возьми книгу, Лена! – выкрикнул парень.

– Сам ее таскай! – не оборачиваясь, произнесла девушка.

Саша тяжело вздохнул, нагнулся, поднял книгу с земли, ладонью провел по обложке, стирая асфальтовую пыль. Он долго смотрел вслед Лене, пока ее фигурка не скрылась за поворотом. Вернулся в фойе, подошел к одиноко дремлющей гардеробщице.

– Можно я на пару часов оставлю у вас эту книгу? – спросил Савельев.

– А что, милок, тебе тяжело ее носить?

– Вроде того... Пожалуйста! Вот, возьмите.

Саша достал из кармана купюру в пятьсот рублей, протянул ее ошарашенной женщине, повернулся и пошел в сторону служебного входа. Спустя минуту гардеробщица услышала из зала новый удивленный вздох публики. Она не могла видеть, как кандидат в гроссмейстеры подошел к своему столику, и, не делая хода, произнес, обращаясь к противнику:

– Предлагаю ничью!

Маститый игрок со злостью ответил:

– Нет, поздно! Теперь я играю на выигрыш!

Саша вздохнул, записал на бланке ход гроссмейстера, наклонился вперед, подпирая подбородок скрещенными руками и надолго задумался. Его ответный ход был очевиден, но он почему-то не делал его. Никто из зрителей даже и близко не догадывался, какие мысли сейчас бродят в голове юноши. Под мерное тиканье шахматных часов Саша Савельев вспоминал...

...Я даже не знаю, почему это произошло. Мой маленький счастливый детский мир обрушился в одну секунду. Папа и мама. Самые дорогие люди в мире. Самые мои родные. Как я вас любил, это никто не может представить. Вы оставили меня в машине на заднем сидении, заперли двери и пошли в магазин купить мне мороженого. Было жарко, я начал капризничать и просить мороженое еще полчаса назад. Магазин находился на другой стороне дороги, и вы пошли вперед, чтобы пересечь ее по пешеходному переходу. Вы не видели, как сзади на огромной скорости несется машина красного цвета. Перед вами остановился грузовик, чтобы пропустить пешеходов на зебре, а машина цвета вашей крови вильнула влево, не сбавляя ход. От удара вы, мои мама и папа, взлетели вверх и в сторону, попали на капот белой машины встречной полосы. Эта машина стала тоже красной, потом она вильнула вправо, врезалась в большую фуру и загорелась. Вы упали под фуру, которая раздавила вас как танк гусеницами. Но, наверное, вы уже не чувствовали боли. Я не мог прийти вам на помощь, двери были

заперты, а выбить стекло мне не удалось. Мне было всего пять лет, слабые руки, а стекло крепкое.

Потом я смотрел, как останавливались машины, люди сбегались к белой машине и фуре. А красная, которая вас убила, она уехала прочь. Но я помню ее, до мельчайших итрихов и подробностей, у ней сзади был разбит левый стоп-сигнал, а на приспособлении, называемым форкопом, напята голова клоуна в желтом колпаке. И номер я запомнил. Но не мог его назвать, произнести спустя двое суток, когда меня наконец-то заметили случайные прохожие, жители этого места, где все произошло. Я забыл, как это делать – говорить.

Оперативный дежурный отделения полиции маленького городка в Подмосковье ленивым жестом снял телефонную трубку. Зевнул, прикрывая ладонью рот с желтыми прокуренными зубами. Сонным голосом произнес:

– Капитан Козлов слушает...

На другом конце провода раздался взволнованный женский голос.

– Товарищ капитан! Это говорит продавец из магазина продуктов! На улице Стаханова, 23. У нас тут недалеко стоит машина. Уже два дня. А внутри нее сидит маленький мальчик. Я подходила, смотрела. Спрашивала, как его зовут? Он не отвечает. Машина заперта!

– Ну и что? Родители оставили, скоро придут и уедут... – вяло ответил Козлов, а про себя подумал: «Не повезло. Придется ехать, наверное, разбираться...»

На том конце трубки замолчали. Потом женщина, справившись, видимо, с легким потрясением от безразличия представителя властей, затараторила.

– Да что вы такое говорите, товарищ капитан? Как они могли уйти на двое суток и оставить ребенка? Может, это те, которые погибли здесь в аварии? Мне рассказывала сменщица, в тот день она работала в магазине. Вы приезжайте обязательно, разберитесь! А то мальчик умрет с голода, вам же будет хуже!

Последний довод был убедителен. Козлов вздохнул, поправил фуражку, встал с телефонной трубкой.

– Ваше имя и фамилия?

– Клава. Клава Румянцева я! Продавец, живу недалеко.

– Хорошо, Клава. Едем.

Капитан положил трубку на аппарат. Потянул вверх руки и снова зевнул. Нажал на кнопку пульта. Внутри щелкнуло, зашипело, раздался голос.

– Лейтенант Востриков слушает.

– Востриков... вот что... Бери машину, езжай к магазину на Стаханова, 23. Оттуда баба звонила, продавец продуктового магазина. Говорит, что рядом машина двое суток стоит с пацаном в салоне. Разберись, что к чему. Доложишь мне лично. Понял?

– Так точно, товарищ капитан!

– Действуй!

Капитан Козлов снова сел на стул, прислонился головой к стенке, закрыл глаза. Он вчера принял лишнего, отмечая возвращение из отпуска. Голова гудела, руки предательски дрожали. Был уже поздний вечер, все сотрудники разошлись по домам, в коридорах стояла тишина. Козлов задремал.

Спустя полчаса его разбудил телефонный звонок. Капитан чертыхнулся, потянулся к телефону и, потеряв равновесие, едва не упал.

– Оперативный дежурный слушает!

В трубке раздался голос лейтенанта Вострикова.

– Товарищ капитан! Баба права оказалась. Всё так! Тут пацан в машине запертый сидит. Смотрит как-то странно. Вокруг никого нет. Машину не открыть, нужны ключи. Или спец по этому делу.

– Где я тебе возьму спеца по вскрытию тачек в это время? Все дрыхнут уже давно! Мать твою! Давай, дождемся утра, как говорится, утро вечера мудренее...

– Товарищ капитан! Да пацан... тово... как бы не сдох. Продавщица говорит, что больше двух суток там сидит. Без воды и пищи. Вон, едва голову держит.

Капитан грязно выругался, стукнул по столу кулаком.

– Ну так тогда разбей стекло у машины, вытаскивай пацана и дуй сюда! Что мы с ним будем делать – не знаю! Первый раз на моей службе такой случай! Номер машины запиши! Выполнять!

– Есть!

Спустя полчаса у дверей отделения раздался шум. Запыхавшийся лейтенант тащил за руку маленького мальчика. На лбу ребенка была большая кровоточащая царапина, рубашка порвана в двух местах. Капитан поднялся со стула, шагнул им навстречу.

– Таааак! Ну и красавец! Чё он весь в крови-то! – рявкнул Козлов.

– Так вы сказали – вытаскивай через окно. Я его разбил, а двери все равно не открывались. Пришлось тащить. Еле справился, он упирался. Укусил меня за руку. Вот, в итоге порезал лоб и рубаху порвал.

Мальчик стоял, опустив голову. На скулах капитана заходили желваки. Он наклонился к ребенку, взял его за чуб и резким движением поднял голову.

– Так ты, гаденыш, кусаться вздумал, когда тебя спасают? Где твои родители? Или с кем ты был? Почему тебя бросили? Отвечай!!

Мальчик резко мотнул головой, высвобождая свои волосы от хватки полицейского. Это привело капитана в ярость. Он снова ухватил ребенка за чуб и дернул. И тут встретился с мальчиком взглядом. Отпустил руку, попятился от неожиданности. На капитана смотрели глаза взрослого человека. С ненавистью и презрением. У детей не бывает такого взгляда.

– Ладно... ладно... – забормотал Козлов. – Расскажи нам, где твои родители? Почему ты один сидел в машине?

Мальчик молчал, не опуская своего ненавидящего взгляда. Полицейские недоуменно переглянулись.

– Что с ним? Может, глухонемой? – спросил лейтенант.

– Может. Черт его знает? Или больной какой-то. Номер машины переписал?

– Так точно!

– Давай, пробей по базе. Выясни, кому принадлежит машина.

– Есть!

– У тебя в заглазнике нет какой еды, случайно? И попить.

– Бутерброды с колбасой, котлеты. Жена собрала на дежурство. Вода минеральная...

– Тащи!

Лейтенант метнулся в соседнюю комнату. Козлов по-прежнему не мог отвести взгляда от глаз ребенка. Тонкая струйка крови сползала по лбу мальчика, накатывалась на левую бровь. Когда она стала заливать глаз, ребенок вытер рукавом лицо и снова опустил голову. Капитан облегченно вздохнул.

– Сейчас, собака-кусака, мы тебя накормим и выясним, чей ты. Ишь, как смотрит, чисто волчонок! Сейчас я «Скорую» вызову, чтобы тебе обработали рану.

Позвонив по телефону, капитан подошел к мальчику, протянул ему руку.

– Ладно, давай знакомиться! Меня дядя Петя зовут. А тебя как?

Ребенок молчал. Служивый, вздохнув, отошел. В коридоре слышались быстрые шаги. Запыхавшийся Востриков положил на стол большой пакет, вытащил из него пластиковую тарелочку, вилкой выудил две котлеты, хлеб, несколько кусочков колбасы; из бутылки минеральной налил жидкость в пустой стаканчик.

– Вот! Подходи, парень, ешь! Не стесняйся! Ну, давай же...

Мальчик молча смотрел на стол и по-прежнему стоял на месте. Лейтенант взял стаканчик с минералкой, протянул его ребенку.

– Давай, давай! Я точно знаю, что сильно пить хочешь! Как тебя звать-величать? Пей!

Мальчик взял из рук мужчины стакан, медленно выпил жидкость. Полицейские облегченно вздохнули. Востриков улыбнулся, налил из бутылки еще.

– А теперь пожуй котлеты. Я их только что в микроволновке подогрел. Очень вкусные, жена старалась!

Мальчик посмотрел на мясное изделие, и гримаса отвращения на секунду исказило его лицо. Он потянулся, взял стакан с минеральной водой, выпил половину, осторожно поставил его обратно. И снова посмотрел на Вострикова своим недетским взглядом. Лейтенант вздрогнул, отвел глаза, засуетился, убирая еду в пакет.

– Не хочешь, как хочешь! Я пошел к компьютеру, пробью там номер машины.

– Давай, лейтенант, – капитан встал, взял мальчика за руку. – А ты, Молчалин наш, посиди пока в обезьяннике. Тут не детский дом, не богадельня, а милиция. Сам понимаешь, брат, мне работать надо. Сейчас Востриков найдет адрес раздолбаев, которые тебя бросили в машине, и отвезет туда. Вот так.

Заперев за ребенком тяжелую решетчатую дверь, капитан снова сел за пульт, стараясь не смотреть в сторону мальчика. Спустя четверть часа приехали два санитара «Скорой помощи». Козлов открыл обезьянник, вывел оттуда ребенка. Старший санитар, мужик лет пятидесяти, от которого пахло спиртным, наклонился к мальчику, рассматривая рану на лбу.

– Где это тебя так угораздило-то? А? – спросил он строго. – Подрался с кем и сюда попал? Что молчишь? Стыдно? Такой маленький, а уже в милицию угодил? Поколение «пепси», мать вашу! Давай, сейчас обеззаражу!

Мальчик сделал попытку уклониться от руки санитара с тампоном, смоченном в йоде. Второй санитар, молодой, крепко схватил его за голову, сжимая ладонями уши, держал.

– Ну вот, делов-то! Готово! Стоило ли нас вызывать? В полиции нет йода? – спросил старший.

– Не в этом дело... – капитан встал, подошел вплотную к санитару. – Капитан Козлов. А тебя как?

– Синицын моя фамилия. А что?

– Вот что, Синицын. Тут дело посложнее, чем ты думаешь. Пацан почему-то не разговаривает. Как будто больной. Или глухонемой. А может этот... как его... видел недавно по телику... Вот! Вспомнил! Аутист! Понятно?

– Может быть. И что?

Капитан замялся, словно о чем-то размышляя. Старший санитар зашел к мальчику за спину и со всей силы громко хлопнул в ладоши, одновременно заорав: «Бей!!»

Ребенок вздрогнул и оглянулся на санитаров.

– Вот. Уже выяснили, что он не глухой. Прекрасно слышит... – удовлетворенно произнес Синицын. – Сейчас мы его разговорим!

Он наклонился к мальчику и стал с ним разговаривать. Ребенок молчал. С каждой секундой санитар распалялся все больше и больше. Наконец, он схватил мальчика за ухо и с силой вывернул его. На лице ребенка появилась гримаса боли, но он не издал ни звука.

– Черт... – санитар растерянно выпрямился. – Похоже, тяжелый случай. Читал про это как-то. Расстройство называется мутизмом.

– Вот вот, – капитан приободрился. – Поступил к нам как беспризорник. И мы не можем выяснить, кто он и откуда. Поэтому отвезите его в детский дом для детей с отклонениями. Там пока побудет. А мы тем временем выясним, кто его родители. Есть зацепки.

– Нет, это не в нашей компетенции... – заартачился Сеницын. – Как мы его повезем? Где документы? У нас его не примут. Лучше вы определите пацана в вашу детскую комнату полиции.

– Ты не понял меня, Сеницын! – капитан нахмурил брови. – Детская комната? Есть такая! Вон там, по коридору, третья слева. Она просто так называется. Там журнал лежит, куда мы заносим адреса разных малолетних хулиганов. И всё. Как мы его туда запишем? А находиться долго здесь детям не положено. Понял?

– Нет. Мы не обязаны вести его в детский дом! – Сеницын явно не хотел связываться с этим делом.

Капитан подошел к нему вплотную, ноздрями втянул воздух. Поморщился.

– Сеницын! Ты же не хочешь, чтобы у тебя на работе начальство узнало, что ты нетрезвым едешь на вызовы? А?

– Не хочу... – пробормотал обескураженный врач.

– Ну, так бери пацана и дуй в детдом. Надеюсь, знаешь куда. А там сообщи, что за ним скоро приедут родители. Милиция их найдет и вызовет. Понял, Сеницын?

– Понял...

– Ну, и лады!

– Бумагу какую черканите, капитан! Хотя не с пустыми руками мы пацана пристраивать поедем.

– Сделаю!

Капитан сел за стол, взял лист бумаги, написал несколько строк, шлепнул квадратным штампом и отдал его санитару. Сеницын с удовлетворением прочел текст, хмыкнул, кивнул своему помощнику.

– Забирай его! Повезем в детдом. Дорога не близкая, километров 50 пилить.

Когда за врачами и мальчиком закрылась дверь, из коридора вышел лейтенант Востриков.

– Нашел, товарищ капитан! Пробил машину, выскочил адресок. Из Москвы они, живут на Берсеневской набережной. Фамилия родителей – Савельевы. А где пацан?

– Санитары повезли в детский дом. Завтра с утра сдадим смену, меня подбросишь домой, а потом сгоняешь на своем «Жигуленке» в Москву. По адресу. Магарыч не забудь с этих идиотов родителей взять. Адресок записал?

– Так точно! Бумажка у меня в кармане.

– Ну и славно. Уф... отбоярились.

Вот так я и попал в этот детский дом. Санитары едва уговорили толстую тетку, которая дежурила в ту ночь, тыкали ей в лицо бумажкой от мента, клялись божились, что завтра за мной родители приедут. Я спустя несколько дней узнал, что когда утром Козлов и Востриков поехали с дежурства домой, в их машину на полной скорости врезался самосвал с пьяным водителем. «Жигули» сгорели вместе с полицейскими.

Меня завели в большую комнату, где спали дети, положили на голый матрац. И я вскоре уснул. Только через пару дней заведующая детским домом приказала меня постричь наголо, мне выдали специальную одежду, а мою куда-то дели. Я понимал, что папа и мама никогда не приедут за мной. Я ждал только бабушку Клаву, мать моей мамы. А у папы не было родителей. Однажды на мой вопрос, где же они, мама с серьезным лицом сказала мне, что папа жил в детском доме. Я не понимал, что такое детский дом, спросил маму. Но она прекратила разговор, сказала, что мне лучше не знать. И вот теперь я узнал, что такое детский дом... Так... пора бы мне делать свой ход. Но времени еще много, может, Лена вернется в зал?

Саша сделал очевидный ход, перевел часы. Противник двинулся королем в центр доски, что тоже легко просчитывалось. Вот теперь начиналось самое главное. Юный шахматист бросил взгляд в зрительный зал. Лены на ее привычном месте не было. Саша нервно заерзал на стуле, несколько раз провел ладонью по волосам ото лба до затылка. Журналисты знали – это явный признак волнения Савельева. Еще бы – на кону стояли не только титул гроссмейстера, выход в турнир на первенство мира, но и гарантированные сто пятьдесят тысяч долларов, первый приз соревнования. В пресс-центре кипели страсти, заключались пари на исход партии. Многие авторитеты ставили резюме: атака белых авантюрна и должна заглохнуть. Однако при этом черные должны были делать единственно правильные ходы, пройти по краешку пропасти и не оступиться, не качнуться, не сплеховать. Саша поднял руку, чтобы сделать важнейший ход. Зал замер. Многие видели, что у атаки белых есть две возможности. Какую из них выберет шахматный вундеркинд? В полной тишине было слышно, как скрипит новенький ботинок на ноге противника Савельева, когда тот, сидя на стуле, нервно совершает быстрые покачивания коленом вверх-вниз. Но Саша медленно отвел руку от своих фигур, бросил взгляд в зал и снова задумался...

– Кого они притащили, эти долбаные санитары? Ни документов настоящих, ни имени, ни фамилии! Ты хоть спросила, из какого отделения «Скорой» они? Нет? Ну, так сама бери этого немного к себе домой и воспитывай! Как я его оформлю? Подобрали на улице беспризорника? Подкидыш! Меня за это по головке не погладят! Ты понимаешь?

Заведующая детским домом с полчаса орала на толстую дежурную, принявшую ночью бессловесного ребенка. Рядом с женщиной на стуле сидел Саша и угрюмо смотрел в пол. Дежурная оправдывалась.

– А что мне делать было, Зинаида Васильевна? Выкидывать пацана на улицу? Врачи «Скорой» уверяли, что на следующий день за ним приедут родители. Полиция обещала.

– Где эти родители? Уже четвертый день пошел! Если бы озаботились, спохватились, давно бы отыскиали! Или хотя бы заявили в розыск. Если порядочные, нормальные люди. А этот... весь поцарапанный, рубашка порвана. Смотрит волчком! Явно больной. Может, папаша и мамаша алкоголики. Да не может, а скорее всего! Врачи сказали, что он слышит?

– Да...

– Значит, не глухонемой! Черт его знает, что с ним? Поеду к начальству, докладывать, ставить его к нам на учет. Возни сколько, ты не представляешь! Это тебе не отказники из роддома. Там есть подпись мамы и всё! А здесь? Звонила в отделение, где писульку врачам дали. Так вот. Те два дежурных, что приняли пацана, на следующее утро погибли в автомобильной аварии. Сгорели в машине. Самосвал с пьяным водителем в них въехал. Откуда они приняли пацана – никто не знает. В журнале не отмечено! Всё, привет! Тут Шерлок Холмс должен искать концы. А какие шерлоки служат у нас в полиции – ты сама знаешь без меня! Тьфу!

Подчиненная растерянно топталась на месте, часто вытирая пот с лица. Она уже сильно жалела, что в ту ночь смилостивилась и уступила врачам.

Боялась, что своенравная Зинаида Васильевна просто выгонит ее с работы. И тогда чем ей, одинокой мамаше, будет кормить двух своих девочек? В этом небольшом городке так тяжело было с работой. Многие уехали в столицу в поисках лучшей доли.

– Значит так, Прохорова! – заведующая встала из-за стола. – Определяем его в младшую группу. К глухонемым. А там видно будет. Может и заговорит потом. Посматривай за ним, чтобы никого не обижал. Или чтобы его не лупили старшие. Поняла?

– Да, Зинаида Васильевна! – в голосе работницы появились нотки радости.

– Всё! Я к начальству поехала.

Директриса вышла из-за стола, обдав Сашу запахом каких-то резких, отвратительных духов. Позже, учуяв этот запах у представительниц прекрасного пола, мальчик отходил подальше от них.

Прохорова взяла мальчика за руку и повела по коридору. Дети из разных комнат с интересом смотрели на новенького. Каждый раз для них это было событием в череде будничных, однообразных дней. Саша еще не знал, что самыми главными событиями были приезды новых потенциальных родителей, которые смотрели на детей и выбирали, кого бы усыновить или удочерить. И самые горькие слезы проливались после их ухода. У Прохоровой каждый раз при этом сжималось сердце, ей хотелось не просто плакать, а рыдать, выть по-волчьи. Настолько горьки были эти детские слезы...

Глава 2-я. Лена

Лена быстро шла по улице со злым выражением на красивом лице. Прохожие останавливались, недоуменно оглядывались на девушку. Два человека спросили, что с ней случилось, но она отворачивалась, ускоряла шаг. Несколько раз она прикладывала правую руку за куртку, и со стороны могло показаться, что у девушки болит сердце. Но это было не так. Лена сжимала рукой свои очки в очень красивой современной оправе, которые лежали во внутреннем кармане. При этом она тихо разговаривала как будто сама с собой, задавала вопросы и отвечала на них.

– Почему он меня не слушается? Мы же договорились! Наверное, все-таки не понимает опасности. Он меня просто использует. И еще неизвестно, выполнит ли свое главное обещание? Я не вижу его денег, только какие-то крохи перепадает. Хватит! К черту!

Лена в очередной раз полезла во внутренний карман куртки, вытащила очки и швырнула их на зеленую траву, возле куста. Она сделала шагов десять, как сзади послышался возглас.

– Девушка! Вы очки потеряли! Вот, возьмите...

К ней быстрым шагом приближался молодой человек, явно студент, лет восемнадцати. Он держал под мышкой портфель, застенчиво улыбался, протягивая Лене ее очки. Студент сам был очкарик, «ботаник», как окрестили бы его современные девицы. Рыжие космы торчали в разные стороны, на нем были модные джинсы с дырками на коленях, потертая кожаная куртка.

– Какие красивые. Модель «Гугл»? Я читал про них... Жалко бы было потерять такую дорогую вещь... – студент был в настроении из-за того, что сумел помочь такой симпатичной девушке. – Возьмите и не теряйте больше.

Лена остановилась, внимательно посмотрела на парня. Во взгляде девушки было что-то такое, что студент смутился и покраснел. Лена взяла из его рук очки, сунула их во внутренний карман.

– Честный, да?

– Не понял... – парень растерялся еще больше.

– А почему себе не взял их? Они намного дороже, чем у тебя на носу.

– Какая-то вы странная, девушка. У меня оправы тоже не из дешевых. Мне чужого не надо. Пожалуй, я пойду. Всего хорошего!

Парень стремительно прошел мимо Лены, от него пахло пивом и дорогим парфюмом. На ходу студент вытащил из кармана айфон последней модели и, ткнув пальцем в клавиатуру, приложил его к уху. Лена стояла, провожала его взглядом. Взглянула на часы, о чем-то раздумывая. Потом повернулась и медленно пошла в обратном направлении. Она вспоминала...

Лена, конечно, не помнила, как оказалась в детском доме. Осознавать свою непростую жизнь она стала только года в четыре. Воспитатели старались оградить таких детей от внешнего мира. Поэтому Лене казалось естественным, что девочки живут в одной большой комнате, пятнадцать человек. Что за всеми ими ухаживают три добрые тети и одна злая. Горькое прозрение случилось, когда маленьких детей из детского дома повезли на новогодний утренник под названием «Золушка». Там, в большом доме культуры, Лена впервые близко увидела совсем других детей. Очень нарядных, ухоженных, беззаботных и веселых. С ними были мамы. Это слово как будто острым камнем врезалось в душу маленького ребенка, когда девочка ее лет сидела рядом с ней на пуфике в гардеробе, а тетя переодевала ее в принцессу.

– Мама! Мама! Быстрее надевай мне туфельки! Уже Дед Мороз со Снегурочкой пришли!

Тетя, которую девочка назвала мамой, быстро наклонилась, надела ей туфельки, поцеловала в щеку и повела за руку к елке. Лена смотрела им вслед, жгучая детская зависть полыхнула внутри. Она подбежала к своей воспитательнице и заглянула снизу-вверх в ее лицо.

– А мама – это кто? Почему мы не называем вас мамой?

Воспитательница промолчала. Тяжело вздохнув, она обняла девочку, прижала к себе, погладила по голове. И Лена все поняла. У нее нет такой мамы, как у той девочки в костюме принцессы. На входе в зрительный зал, у которого детдомовские стояли и ждали, когда соберется вся их группа, Лену ждал новый удар. Другая девочка в нарядном фиолетовом костюме держала за руку взрослого дядю и канючила.

– Папа! Ну купи мне пирожное! Купи, папа! Папа, ты же обещал.

Дядя, которого девочка называла папой, повел дочку в буфет, и спустя минуту та уплетала за обе щеки аппетитный эклер. К ним подошла тетя с новогодним подарком в руках, стала ругаться. Дядя виновато улыбался, разводил руками. Девочка скривилась и чуть не заплакала.

– Мама, не ругайся, пожалуйста! Я тогда сегодня не буду есть конфеты из этого подарка.

И девочка ткнула пальцем в разрисованный синими узорами пакет. Взяла папу и маму за руки, все трое прошли мимо ошеломленной Лены в зрительный зал. Потом Лена видела их на улице, у выхода. Дядя открыл машину, тетя села на переднее сиденье, девочка на заднее. И они уехали прочь. Так Лена поняла, что есть на свете девочки, которые ходят с папами и мамами и не живут по пятнадцать человек в одной комнате.

С новогоднего утренника Лена ехала притихшая, задумчивая и грустная. Она спросила перед началом представления у воспитательницы, почему того дядю девочка назвала папой? Кто такой папа?

– Когда вырастешь, тогда узнаешь... – тихо ответила женщина.

– И когда я вырасту? – спросила Лена.

– Слишком много вопросов сегодня, Зиминая! – огрызнулась воспитательница. – Приедем домой, поставлю тебя в угол!

– А у Золушки тоже не была мамы? Как у нас? – в лоб спросила Лена.

Воспитательница снова ничего не ответила, вздохнула и обняла смущенного ребенка.

Лену потом много раз ставили в угол. Ибо она настойчиво расспрашивала работников детского дома, куда же делись ее папа и мама? Но девочка не боялась наказаний. Она росла активным, деятельным ребенком с сильным характером. Уже в пять лет всю верховодила в комнате, собрав вокруг себя группу из четырех единомышленниц. Лена быстро гасила конфликты между девочками, возникавшими то из-за игрушек, то из-за еды или по другим поводам. Обитатели комнаты быстро поняли, что с Зиминкой лучше не драться и даже не спорить. Ее побаивались даже девочки из старшей группы, особенно после одного случая в столовой, когда Лена подралась из-за котлеты, которую хотела отобрать у нее семилетняя девчонка. В доме кормили плохо, все каши да каши, котлеты в тарелках детей были как праздник. Лена в кровь разбила лицо старшей нахалки и, поцарапанная, предстала пред очами директрисы.

– Ты что это творишь, Зиминая!? – заорала на ребенка жирная тетка с тройным подбородком. – Из-за котлеты чуть глаза не лишила Васильеву! В психушку захотела?

Лена молчала, опустив голову и носком ботиночка вырисовывая на полу замысловатую фигуру. Она не знала, что такое «психушка».

– Стой смирно, дрянь! – орала тетка. – Сейчас ты получишь у меня!!

Директриса схватила ремень, постоянно лежащий на ее столе как средство воспитания, замахнулась и со всей силы ударила Лену по левой руке и спине. Девочка закричала. Тетка с багровым лицом замахнулась еще раз, ударила, но Лена сумела ловко увернуться и при этом швырнуть стул под коленку тетке. В кабинете раздался страшный шум, баба в белом халате грохнулась всей тушей на пол. Взревев от ярости, она поднялась, и неизвестно, чем бы закончилась эта сцена, если бы Зиминая не убежала из кабинета. Девочка весь день пряталась

по укромным уголкам дома, но все равно вечером ее нашли. Завхоз дома, военный отставник дядя Михей потащил за шиворот упиравшегося ребенка, и по приказу начальницы запер ее на ночь в холодный чулан. В итоге Лена заработала воспаление легких и едва не умерла. Одна из «хороших тётенок», сжалившись, вызвала «Скорую помощь». Укол лекарства с пенициллином спас ребенка.

В семь лет Лена Зимина в первый раз сбежала из детского дома. Девочка была уверена, что где-то рядом живут ее родители, мать и отец. И поэтому она должна была пойти в полицию, назвать свою фамилию, а уже эти строгие дяди обязательно найдут ее папу и маму. У всех же людей фамилии разные, это она знала по детскому дому, вот и Зимины должны быть тоже одни в городе.

Она сбежала ночью, когда все спали. План побега девочка вынашивала целый месяц. Окна их спальни на первом этаже были закрыты снаружи железными решетками. Поэтому Лена, одевшись, тихо прошла на второй этаж, зашла в пустую комнату, в которой с детьми днем занимались разные учителя, открыла окно и, бесстрашно забравшись на подоконник, уцепилась двумя руками за водосточную трубу. Она сразу едва не сорвалась вниз, но сумела вовремя ногами обхватить трубу и начать медленно сползать вниз. На стыке затормозила, посмотрела вниз, зажмурилась и прыгнула. Приземление было не очень удачным, Лена больно ударилась ногами, упала назад, но вовремя выставила руки.

Встала, сделала несколько шагов. Боль в правой ноге. Она захромала прочь, оглянувшись на окна ненавистного дома и, несмотря на боль, улыбнулась. Свобода!

Ранние прохожие, спешившие на работу, с недоумением смотрели на странного ребенка, идущего по тротуару в центр города. Пару раз Лена спрашивала взрослых, где находится полиция? Ей махали рукой в том направлении, в котором она шла. Оборачивались, качали головами. Никто не спросил, что с ней? Почему одна, почему хромает? Так, медленно она прошла с пару километров, пока не увидело серое здание с вывеской «Полиция».

Спустя час из здания двое полицейских вывели заплаканную Лену, усадили в машину и повезли в детский дом. Благо, он был единственный в городе, поэтому стражам порядка не пришлось долго утруждаться.

– Ваша? – строго спросил старший лейтенант полиции директора дома.

– Наша. Зимина. Дрянь ты этакая!! Я столько валерьянки из-за тебя выпила сегодня утром!! – лицо директрисы багровело с каждым словом. – Где вы ее отыскиали, товарищ старший лейтенант?

– Она сама к нам пожаловала. Говорит, мол, давайте найдите ее родителей. И точка! У всего отделения челюсти отпали. Еле уговорили ехать назад. Что не можем найти ее папу и маму – так и не убедили. Вишь, как смотрит! Чистый волчонок! Руки ободраны и хромает. Сбежала от вас?

– Сбежала. Со второго этажа. Как не убились – не понимаю!

– Ну, не убились, и то хорошо! – улыбнулся старший лейтенант. – Пишите бумагу, что, мол, приняли живую-здоровую, распишьте-подпишите, печать и всё такое!

– Для кого как... – проворчала директриса, взяла девочку за плечо и толкнула от себя. – Пошла к себе в комнату, стерва! Подождите минут десять, сделаю вам бумагу...

Происшедшее резко добавило Лене авторитета в коллективе. Детдомовцы шепотом расспрашивали, как ей удалось убежать? Заглядывали из окна на водосточную трубу, по которой спускалась Зимина. Теперь и окна на втором этаже все были с решетками. Михеич, кляня и матеря бесстрашную девчонку, вместе с приглашенным сварщиком две недели сверлили дырки в стенах, крепили решетки.

Но Лена заметно погрузтелась. Она не знала, как теперь искать своих родителей? Попробовала расспросить директрису, когда та находилась в хорошем настроении. Но тетка, резко изменившись в лице, наорала на девчонку, снова пригрозив «психушкой».

Потекли будничные, однообразные дни, месяцы и годы. Время от времени в детский дом приходили дяди и тети, желающие взять к себе в семью ребенка. В такой день почти все были взбудоражены, каждый хотел обрести новых маму и папу. Счастливицам улыбалась удача, их забирали под звуки плача остающихся детей. В один из таких дней уже немолодые тетя и дядя выбрали Лену Зимину.

– Какая симпатичная девочка! – всплеснула руками тетя, своими формами напоминавшая тульский самовар. – Прелесть, а не ребенок! И лицо такое благородное! Сразу видна порода, не производное каких-нибудь алкоголиков. Как тебя зовут, милашка?

– Лена... – просто ответила Зимина.

– Ах, Лена, Леночка! Ты нам с мужем очень понравилась! Верно, Серж?

И тульский самовар обратил свой взор на супруга, тощего мужичонку, чья фигура напоминала обглоданный рыбный скелет. Серж кивнул.

– Да. И, как нам сказали, учиться очень хорошо. Одни пятерки, отличница! Мы тебя берем!

Дети, окружавшие Лену, притихли. Ибо они видели по ее лицу, что сейчас произойдет что-то незаурядное. Так и вышло. Лена выдала на-гора такую матерную тираду, что даже издававшая виды директриса присела на время кем-то подставленный стул. Свое нецензурное несогласие девочка объяснила просто.

– У меня есть свои мама и папа. И я их обязательно найду. Так что идите отсюда...

И далее тоже последовало непечатное выражение.

Супружеская пара с выпученными глазами попятилась к двери. Мужик споткнулся о порог и упал назад. Директриса кинулась поднимать благодетеля, ибо тот всего четверть часа назад прилично «позолотил ей ручку». В бешенстве директриса оглянулась на безмятежно наблюдавшую за ними девочку и прошипела:

– Ну все, Зимина! Ты меня достала! Мое терпение лопнуло!

Вскоре директриса вызвала Лену к себе в кабинет и объявила, что за непослушание, попытку побега из детдома и прочие грехи она будет отправлена в «психушку». Осталось только согласовать кое-какие детали. Директрисе не терпелось насладиться местью. Однако она поторопилась. Внезапно в дом нагрянула проверка. Тощий мужичонка по имени Серж, видимо, имел какое-то серьезное влияние в областных структурах власти и не простил унижения перед детским коллективом. К тому же директриса никак не хотела расставаться с энной суммой денег, врученных за «правильный подбор» ребенка. Комиссия выявила серьезные нарушения в работе руководства детдома, директрису и главного бухгалтера сняли с должностей, и они были очень рады, что все не закончилось уголовными делами. На их место были назначены другая директриса и главбух, бумаги о переводе Зиминой в психушку куда-то затерялись, и Лена осталась в этом детдоме.

Новая директриса, которую звали Наталья Петровна, выглядела полной противоположностью уволенной фурии. Моложавая, подтянутая, энергичная, с хорошей фигурой. И лишь постоянное строгое выражение лица немного нивелировала ее несомненную привлекательность. Вместе с ней прибыл и новый воспитатель, на место уволившегося по собственному желанию Михеича. Звали его Иван Сергеевич, высокого роста мужик с чуть красноватым лицом, словно вырубленным из дерева. Он был похож на тех персонажей с плакатов прошлого века, обещающих народу, что он будет жить при коммунизме. Дети быстро поняли, что Иван Сергеевич очень добрый и отзывчивый человек, а руки у него, что называется, «золотые». Он сразу

стал наводить порядок в доме, постоянно что-то чинил, стругал, пилил, клеил. К тому же он прекрасно знал компьютер и на уроках начал учить детей азам программирования. Еще одной страстью «Сергеича» (так стали звать его дети старших групп) были шахматы. И он, где-то раздобыв демонстрационную доску с магнитными фигурами, стал на уроках заодно с программированием обучать детдомовцев азам этой древней игры. Спустя некоторое время, месяца через четыре, Сергеич организовал первенство детдома по шахматам. Старательно вел таблицу, вписывая в нее единички, нули и редкие половинки. Лена Зимина была единственной девочкой из своей группы, которая приняла участие в турнире. Она легко поддавалась обучению, это касалось всех школьных предметов; в шахматах же все шло не так гладко, и мальчишки старших групп, как правило, обыгрывали дерзкую девчонку. Однако Сергеич громко хвалил Зимину, обещая, что та скоро еще «задаст им жару».

Лене шел уже двенадцатый год, когда она обратила внимание на новенького мальчика, которого перевели в их детдом из другого учреждения. Он был не по годам рослый, крепкий паренек с правильными чертами лица, ямочка на подбородке придавала ему выражение мужественности, светлые волосы были аккуратно причесаны. От мальчика исходил тот ореол таинственности, который так привлекает противоположный пол. Когда Лена узнала, что мальчишке всего девять лет, она разочарованно хмыкнула и перестала обращать на новенького внимание. Тем более что он был очень молчалив, замкнут и ни с кем не шел на контакт. Спустя месяц за ним прочно закрепилась кличка «Герасим». Однако вскоре он снова завоевал всеобщее внимание обитателей детского дома, когда в новом турнире, организованном Сергеичем, наголову, вдребезги разгромил всех участников, в том числе и шестнадцатилетних парней. А уж они то считали себя королями древней игры после года занятий с Иваном Сергеичем. Лена Зимина после последней партии новенького, подошла к нему и без обиняков заявила:

– Меня зовут Лена. Давай дружить?

Протянула парню свою ладошку. Новенький молча пожал ее, встал из-за стола, внимательно посмотрел ей в глаза. Лена вздрогнула.

– Саша. Савельев. Давай.

И он повернулся, медленно пошел из спортивного зала, провожаемый десятками взглядов. Рядом с Леной стоял мальчик ее возраста, ревниво наблюдавший за этой сценой.

– Подумаешь, чемпион... Наш Иван Сергеич наверняка его легко обыграет! – заявил он, наблюдая за реакцией Лены. – Верно?

Последнее слово было обращено к преподавателю шахмат. Взоры всех детей теперь были устремлены на Сергеича. Тот пожал плечами, улыбнулся.

– Обязательно сыграю с ним. Но немного позже...

И тоже вышел из зала.

Глава 3. Хождение по мукам

Люди в зрительном зале шахматного турнира слились в своем ожидании очередного хода Савельева в единый нетерпеливый и своеобразный организм, который шумел, несмотря на запреты арбитров, вздыхал, спорил, возмущался, замирал в восхищении от замысла юного игрока. На десятом ряду особо выделялся вертлявый молодой человек, который недавно получил оплеуху. Он завладел вниманием своих соседей и горячо доказывал бесперспективность атаки белых фигур. Саша несколько раз бросал взгляд в ту сторону. При этом его глаза сужались от злости, но никто, кроме соперника Савельева, не замечал этого. Но и он, этот маститый гроссмейстер, тонкий психолог, даже близко не догадывался, какие посторонние мысли сейчас бродят в голове у мальчика.

Как он похож на того мерзавца по фамилии Терентьев. Когда меня привели в группу глухонемых, через день к нам в комнату завалился он, со своей компанией. Подошел близко, наклонился, взял меня за подбородок. Ухмыльнулся мерзко, из его рта несло как из помойной ямы.

– С прибытием тебя, дорогуша! С пропиской, как говорится.

Я даже не ожидал, что он меня так подло ударит. Схватив двумя руками за затылок, он резким движением наклонил мою голову навстречу своему колену. На пол комнаты, на мою постель хлынула кровь из разбитого носа. Вдруг откуда-то сбоку меня сильно ударили по голове. Я упал. Компания отошла, походила по комнате, вышла в коридор, о чем-то посоветовалась. И потом они вернулись. Знакомиться. По очереди подходили ко мне, протягивали руку и называли свое имя. В ответ на мое молчание били ладонью по кровоточащему носу, по голове, в висок. Это у них называлось «прописаться». Своеобразный ритуал. Мне об этом рассказали позже. Они не скрывали того, что мечтают после выхода из детдома во взрослую жизнь стать «ворами в законе». А не «фраерами», как все остальные. И верховодил ими этот Терентьев, «пятнадцатилетний капитан», как он себя называл.

Я не смог заснуть в ту ночь. Лежал на спине с открытыми глазами. Рядом сопели незнакомые мальчишки, с которыми мне предстояло провести много месяцев. Картинки прошедших дней мелькали у меня перед глазами, путались, наскакивая друг на друга, одна страшней другой. Мне очень хотелось умереть в те дни. Мама однажды рассказала, куда ушел дедушка, когда его похоронили на кладбище. На небо. Я не знал, как это можно сделать – уйти на небо, если ты тяжелый и не можешь летать. Но мне ужасно захотелось тоже уйти вслед за мамой и папой и обязательно встретиться там с ними, на этом загадочном небе.

Спустя две недели я научился драться. Я никогда не дрался раньше, когда жил с родителями. Меня никто не обижал, и я никого не трогал. Здесь же было совсем по-другому. Если ты не дерешься, значит, ты не живешь в детском доме. Ты просто умрешь. Вынести постоянные побои невозможно. Так было с двумя мальчиками, которых привезли немного позже меня. Их били, а они не защищались. Не давали сдачи. Сначала одного увезли куда-то, и он не вернулся. Я думаю, что мальчик умер. Потому что он все время кашлял кровью. И еле передвигался по комнате, почти все время лежал на кровати. Второго мальчика тоже увезла скорая помощь. Он был без сознания. Его избили за то, что он не хотел отдавать свой подарок на Новый год. А он хороший был, этот мальчик. Начал меня учить языку глухонемых. Показывал пальцем на предмет, а потом жестикულიровал руками и что-то мычал. Я сначала с трудом запоминал эти жесты, а потом легко стал понимать его.

Первая моя драка случилась с одним беспризорником, которого отловила полиция на вокзале. Он рылся в моей тумбочке, когда я пришел с ужина в комнату. Оглянулся на меня, нагло ухмыльнулся и пошел, держа в руках мое мыло и две конфеты, которые мне подарила тетя

по фамилии Прохорова. Та самая, которая приняла меня от врачей «Скорой». Ее звали Полина Григорьевна. Она почему-то очень хорошо относилась ко мне, особенно в первый месяц, когда было совсем тяжело.

Беспризорник долго сопел, боролся со мной, но конфеты и мыло не хотел отдавать. Все пацаны из комнаты сгрудились возле нас, что-то азартно кричали, словно болельщики на боксе. Я понял, что если сейчас не сумею победить и отобрать свои вещи, то потом могу ничего больше в тумбочку не класть. Украдут.

В конце концов, я разбил ему нос тем самым приемом, который применил против меня мерзкий Терентьев. Беспризорник заревел, увидев много своей крови на полу, закрыл лицо руками, пополз прочь. От входа в нашу комнату раздался знакомый голос. Все обернулись.

– А ты, немой, молодец! Усваиваешь уроки мои. Хорошо вмазал! – прислонившись плечом к дверному косяку и засунув руки в карманы, Терентьев жевал жвачку. За ним выглядывали его приятели. Я дрожащими руками подобрал с пола мыло и конфеты, сунул их в тумбочку, вытер кровь со своего лица.

Однако Терентьев недолго командовал над нами в детском доме. Наверное, в нем было столько злости, ненависти к людям, накопленное за все 15 лет пребывания здесь, что это должно было закончиться очень плохо. В очередной раз он со своим дружкой бежал «на волю», как они выражались. Решили спрятаться от полиции в лесу. Выбрались за город, углубились в чащу. Случайно наткнулись на дом лесника. Дверь была закрыта, лесник ушел осматривать свои угодья. Разбили окно, залезли. В избушке нашлась водка, колбаса в холодильнике. А также ружье с патронами. Наши «герои» выпили водки, забрали оружие и пошли «гулять». Сначала они пульнули по кабине электровоза, который тащил цистерны с нефтью. Дробь разбила боковое стекло и ранила помощника машиниста. Потом Терентьев стрельнул по коровам, беспечно жевавшим травку на поляне у леса. Животные с ревом бросились прочь. Спустя полчаса в округе уже знали о двух пацанах, которые палят из ружья по всему, что движется. Нашелся смелый мужик, который пошел с голыми руками их обезвреживать. Он не знал, что перед ним стоит законченный подлец по фамилии Терентьев. Если бы знал, может и не пошел бы. Когда мужик подошел к двум пьяным подросткам на расстояние в десять метров, Терентьев выстрелил из ружья картечью ему в грудь. Из двух стволов одновременно. Убил наповал.

Спустя полчаса на место происшествия приехала полиция. До нас дошли слухи, что они не могли захватить Терентьева и его дружка до тех пор, пока у этих гадов не кончились патроны. Отстреливались. Потом в наш детдом приезжала из Москвы одна комиссия за другой. Директриса каким-то чудом удержалась в своем кресле. Сразу притихла, не орала на нас как раньше.

Что стало с Терентьевым и дружкой, мы так толком и не узнали. Кто-то говорил, что его застрелил полицейский, кто-то утверждал, что их судили и отправили в колонию. Нам об этом взрослые не сообщали. Но одно помню точно. Весь детский дом облегченно вздохнул, когда в его коридорах не стало слышно скрипучего, противного голоса Терентьева.

У нас в комнате были не только одни глухонемые. Но и ребята с нарушениями речи. Они слышали, но говорили очень плохо. Я часто не мог понять их. Тогда объяснялись жестами, почти как глухонемые.

В соседней комнате жили странные дети, которых называли аутистами. Для меня они были как инопланетяне. Очень непохожие на других, то нервные, то задумчивые. Если их обижали, воспитатели наказывали очень строго. Все знали, что дядька по имени Санчо больно лупил ремнем обидчиков детей с комнаты номер пять. Почему так звали этого дядьку, я не узнал. Он сам был какой-то странный, носил небольшую бороду, ходил по дому угрюмый, бормоча себе под нос непонятные слова.

Спустя шесть месяцев я научился писать. Читать я умел раньше, меня мама водила на «буковки», специальную секцию в детском саду. Я там быстро запомнил все буквы и знал, как из них складываются слова. А тут на уроке всем дали шариковые ручки, и мы начали изображать своими каракулями слова. Мама мыла раму. Я раньше не знал, что такое рама. Когда писал это предложение, слезы капали на бумагу, буквы расплывались, воспитательница ругалась на меня. Другие дети не плакали. Некоторые из них не знали, кто такая мама.

А у других были мамы и папы. Но они почему-то отдали своих детей сюда. Я очень часто видел свою маму во сне. И тихонько плакал утром под одеялом. Но не так как раньше, когда ревел два или три раза из-за смешных обид. А просто слезы градом катились у меня из глаз, и я не мог их остановить. Те старые обиды казались теперь мне придуманными, не реальными. Очень помню такой случай в магазине «Детский мир». Там в углу стояли машины, на которых можно было кататься. Я и залез в одну из них, нажал на педаль. Машина поехала, порвала ленточку ограждения. Выскочила продавец, закричала на меня. Я заревел. Мне было обидно и непонятно, что она так кричит? На меня дома никогда не кричали. А тихо объясняли, почему нельзя так делать.

Папа взял меня на руки, успокоил. А потом купил мне эту машину. Я выходил с папой из дома гулять на улицу, катался на ней. Потом давал покататься всем соседским мальчикам и девочкам. Однажды она мне приснилась, эта машина. Я на ней догонял ту, красного цвета, которая убила моих родителей. Догнал, стукнул сзади, и она упала в пропасть. Мне стало немного легче, когда проснулся.

А тут, в детском доме на нас кричат каждый день. Я сначала вздрагивал, хотел куда-то спрятаться, забиться в угол. Потом привык. И даже часто не слушаю, что они там орут, эти воспитатели? Мне все равно. Вот только когда бьют иногда, мне бывает больно и плохо. Из-за того, что не могу ответить, сил у нас, детишек, мало.

В детдоме меня записали под именем Ваня Иванов. Я знал, что меня зовут Саша Савельев, потом написал свое имя на листке бумаги и показал воспитательнице. Та просто отмахнулась, скомкала лист и выбросила в урну.

– Не фантазируй. Записали тебя Ваней Ивановым, так и будешь здесь им.

В шесть лет я научился играть в шахматы. Мне это так понравилось, что я стал заниматься ими все свободное время. В детском доме у нас есть библиотека. В ней я нашел большую желтую книгу под названием «Шахматы». Очень старую. Я выпросил у завхоза один комплект шахмат, деревянную доску и фигуры. Показал ему книгу, ткнул пальцем на изображение доски. Он понял. Теперь они лежат у меня в тумбочке. Я расставляю фигуры на доске, беру книгу и смотрю какую-нибудь партию гроссмейстеров. Мне было удивительно, как это у меня получилось в первый раз? Каждое поле на доске имеет свое обозначение, и ход фигурой или пешкой – тоже. Я так радовался, когда в первый раз разыграл всю партию от начала до конца. А в начале книги были очень полезные уроки для таких, как я. Как ставить мат королем и ферзем. Двумя ладьями. Называется линейный мат. И другими фигурами. В моем воображении фигуры оживали, на доске шла битва. По краям стояли башни и стреляли прямой наводкой по противнику. Пехотинцы шли вперед и погибали во имя победы. А самые ловкие проскакивали в ферзи, становились королевами. Кони влетали вместе с всадниками в самую гущу фигур и рубились саблями. Слоны-офицеры стреляли по диагонали. Короли важно и степенно ходили шажками, их нельзя было съесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.